

Максименко Елена Петровна

БЕЛОРУССКАЯ ТЕМАТИКА ПРОПАГАНДИСТСКОГО ФРОНТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОТ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА К МОДЕРНИЗИРОВАННОЙ ДОКТРИНЕ "МОСКВА - ТРЕТИЙ РИМ"

В статье исследуется практическая реализация советским пропагандистским аппаратом элементов модернизированной доктрины "Москва - третий Рим" в годы Великой Отечественной войны. Став важнейшей частью советской идеологической системы, доктрина потеснила интернациональную идею общенационального советского патриотизма. Рассмотрены основные составляющие данной национально-патриотической концепции, и представлена интерпретация некоторых из них (священная война, Святая Русь, святые люди и пр.) в военных условиях. Научная новизна статьи заключается в использовании в рассматриваемом контексте белорусской тематики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 141-146. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.8

В статье исследуется практическая реализация советским пропагандистским аппаратом элементов модернизированной доктрины «Москва – третий Рим» в годы Великой Отечественной войны. Став важнейшей частью советской идеологической системы, доктрина потеснила интернациональную идею общенационального советского патриотизма. Рассмотрены основные составляющие данной национально-патриотической концепции, и представлена интерпретация некоторых из них (священная война, Святая Русь, святые люди и пр.) в военных условиях. Научная новизна статьи заключается в использовании в рассматриваемом контексте белорусской тематики.

Ключевые слова и фразы: «все для фронта, все для победы»; идеологическая доктрина; «кровные братья»; национальные чувства; панславизм; патриотическая идея; пропагандистский фронт; рычаги социальной мобилизации; Святая Русь; «священная война»; советский патриотизм; «Москва – третий Рим»; чины святости.

Елена Петровна Максименко, к.и.н.

Кафедра философско-исторических и социально-правовых наук

Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов»

el-maks@yandex.ru

БЕЛОРУССКАЯ ТЕМАТИКА ПРОПАГАНДИСТСКОГО ФРОНТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОТ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА К МОДЕРНИЗИРОВАННОЙ ДОКТРИНЕ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»[©]

С началом войны фашистской Германии против Советского Союза перед советскими органами пропаганды встала задача в кратчайшие сроки мобилизовать общество на борьбу с врагом, еще вчера бывшим «верным» союзником. В. М. Молотов в радиовыступлении 22 июня 1941 г. нападение на СССР назвал «разбойничьим» и «беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством», совершенным «кликкой кровавых фашистских правителей Германии», «зазавшимся врагом» [2, с. 5]. Подобные уничижительные определения противника являлись обкатанным приемом советской пропагандистской риторики рубежа 1930-х – 1940-х гг. Советское руководство в весьма нелестной форме отзывалось уже о руководителях Польши, затем Финляндии и т.д., что было связано с расширением границ СССР накануне войны. Теперь, оказавшись в положении не наступающей, а обороняющейся стороны, советское государство в лице одного из своих лидеров не ограничивалось морально-этической оценкой врага. Сразу был выдвинут тезис о необходимости вести «победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу» [Там же]. Однако вопрос, кто в многонациональном государстве, несколько десятилетий воспитывавшем своих граждан в духе пролетарского интернационализма, будет вести патриотическую «отечественную» войну, оставался пока открытым.

«Политика утверждения общенационального советского патриотизма, призванная на смену политике раскалывания общества по классовым основаниям, к началу войны еще не стала столь действенной, как это изобразилось в официальной пропаганде. Подготовка Советского Союза в этом отношении оказалась не завершенной. Все это сказалось уже в первые недели Великой Отечественной войны. Без решительного и открытого перехода правящей партии на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов победа в войне была бы недостижима» [1, с. 142].

В радиовыступлении 3 июля 1941 г. Иосиф Сталин произнес: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» [3, с. 9]. Таким образом, обращаясь ко всем и к каждому, Сталин позиционировал себя как вождя всего многомиллионного народа, который состоял из коммунистов и беспартийных, из атеистов и верующих, бойцов Красной Армии и тружеников тыла – всех тех, кому предстояло сообща противостоять захватчикам. С одной стороны, И. В. Сталин повторял использованные В. М. Молотовым дефиниции «советский народ», «наш народ». Однако сталинское выступление совершенно отчетливо апеллировало к национальным чувствам советских граждан. Вождем выдвигался тезис о враге, который «ставит своей целью... разрушение национальной культуры и национальной государственности» народов СССР. Среди них, в первую очередь, названы русские, украинцы и белорусы, эта своеобразная большая триада, которая, в конечном итоге, и обеспечивала существование СССР.

3 июля 1941 г. советский лидер был предельно категоричен: «Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом... Дело идет... о жизни и смерти... Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага... Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!» [Там же].

В дальнейшем выдвинутые вождем императивы были соединены в краткий и емкий лозунг: «Все для фронта! Все для победы!», в котором отразилась решимость и способность системы мобилизовать многомиллионный народ, направить все его силы к достижению единой цели. Система стремилась к выживанию и

проводила мобилизацию всех ресурсов, в том числе и потенциально возможных. Уже опыт Первой мировой войны показал, что современные войны должны вестись на трех фронтах: военном, экономическом и пропагандистском. В боях на последнем используется специфическое оружие, воздействующее на нравственное состояние людей. В определенные моменты нравственное противостояние могло стать решающим.

* * *

В современных исследованиях утвердилась точка зрения, что большевиками в новых исторических условиях была реализована модернизированная средневековая доктрина «Москва – третий Рим», созданная в XVI веке как концепция государственного могущества.

Идея о православной Руси как третьем Риме формировалась на протяжении всего XVI столетия. Она была основана на убеждении, что в православном мире Россия занимает совершенно особое место, и судьбы этого мира будут зависеть исключительно от ее действий.

Концепция основывалась на нескольких краеугольных камнях.

Москва. Город, вокруг которого собралось молодое русское государство, представлялся «богоспасаемым градом», сакральным местом, сконцентрировавшим в себе роль политического, духовного, психологического и социального центра нового православного царства.

Русский православный царь. В русле византийской традиции в российском государстве формируется теория о «помазаннике Божьем», с которым связана надежда на освобождение живущих по всему миру православных от власти иноверных правителей.

Священные войны. Военные кампании, которые вело Русское государство за расширение своих границ, начинают восприниматься как акции, целью которых является освобождение православных и утверждение православия в окружающем Россию мире. В данном контексте статус священной войны распространялся, например, и на освобождение войсками Василия III Смоленска в 1514 г. от католиков-литовцев, и на походы Ивана IV против мусульманской Казани [14, с. 93].

Святая Русь. Как хранитель и защитник православия, русский государь являлся хранителем и защитником Святой Руси. Святая Русь – понятие, возникшее еще в древнерусском государстве с центром в Киеве, оно имело не только пространственное, но и временное толкование, но прежде всего оно подразумевало саму русскую землю – избрannую и святую.

Святые. История русского государства и русского православия давала многочисленные примеры святости. Это князья-страстотерпы, которые либо погибли на поле брани, либо приняли мученическую смерть, отстаивая христианскую веру, но в любом случае принесли жертву своему отечеству и своему народу. Это отроки до 15 или до 18 лет, погибшие насильственной смертью. В них народное благочестие видело чистую жертву, принесенную на заклание. Это мученики, погибшие за веру, чья смерть рассматривалась как высшая форма религиозного служения, чья искупительная жертва имела значение не только для них лично, но и для спасения других людей. В мученичестве видели особое достоинство. Культ мучеников включал в себя и публичные посмертные ритуалы, которые служили важным фактором упрочения сплоченности приверженцев веры, а также развития почитания реликвий.

* * *

Концепции XVI века явно не хватало важнейшей для большевиков составляющей – народа. В апреле 1919 г., на переломном этапе гражданской войны, В. И. Лениным была произнесена фраза, затем часто цитируемая советской пропагандой: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают... власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» [5, с. 315].

Утвердившись у власти как верный ученик Ленина, возглавив партию, глубоко почитавшую марксистско-ленинское учение, Сталин (и другие партийные идеологи) не мог открыто отказаться от ленинских заветов. Но в условиях начавшейся войны с сильнейшим врагом классовой идеи сражающегося «трудового» народа явно было недостаточно. И она была укреплена идеей национализма в том его понимании, что существование нации определяется наличием национального самосознания, осознания индивидуумами себя как части целого национального организма.

Большевики-интернационалисты исторически расценивали национализм, панславизм, панрусизм как чуждые формы идеологии, связанные с враждебными классами – буржуазией и дворянством. Например, идею панславизма называли «реакционной», в частности, связывая ее с «захватнической» внешней политикой царской России на Балканах.

Не реабилитируя официально панславистскую идею, советская пропаганда в качестве одной из главных причин перехода войсками РККА польской границы в 1939 году называла необходимость оказания помощи «кровным братьям» – украинцам и белорусам, жизнь и имущество которых советское государство брало под свою защиту [6, с. 3]. За рубежом сентябрьский «освободительный поход РККА» в Восточную Польшу был расценен как возрождение русского панславизма.

С лета 1941 года идея панславизма во внешней и внутренней политике Советского Союза проявлялась все отчетливее. Начинаясь борьба «за непосредственное физическое и культурно-историческое выживание русских как самих по себе, так и счита и мечта всех славян» [15]. С первых же дней войны на идеологическое вооружение органов агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) официально была взята патриотическая идея славянской солидарности. Ее смысл и содержание оказались наиболее близки взглядам, изложенным Н. Я. Данилевским

в работе «Россия и Европа», после выхода в свет которой в 1871 г. ее автор до сих пор считается многими исследователями родоначальником русского (или имперского) панславизма.

Н. Я. Данилевский выступал сторонником федерации славянских народов, в которой России по ее обширности и многолюдности будет принадлежать первое место. Тесный характер такого союза будет определяться положением славянства лицом к лицу с враждебным ему Западом. Автор утверждал: «Положение Славян лицом к лицу с враждебным им Западом есть та причина, которая заставляет желать для них весьма тесной федеративной связи под политическим водительством и гегемонией России» [4, с. 391]. Необходимость достижения всеславянского союза диктуется «инстинктом самосохранения России» [Там же, с. 415].

С началом войны с фашистской Германией, чья идеология имела отчетливую антирусскую и антиславянскую направленность, славянский фактор начинает играть особо важную роль как во внутренней, так и во внешней политике СССР. 10–11 августа 1941 г. в Москве был проведен первый славянский антифашистский радиомитинг, а с 1942 года начал действовать Всеславянский комитет. Органом ВСК являлся ежемесячный журнал «Славяне», основной целью которого было «сплочение славянских народов для борьбы в союзе со всеми свободолюбивыми народами против гитлеровской Германии и ее вассалов» [7, с. 3].

* * *

Генетическое и историческое родство, объединявшее белорусов, украинцев и русских, делало их не просто «братскими народами», а «кровными братьями». Этот факт использовала советская пропаганда во время «золотого сентября», после которого к СССР были присоединены земли Западной Белоруссии и Западной Украины. В годы Великой Отечественной войны триада «кровных братьев» упоминалась постоянно. Для власти это три краеугольных камня советской государственности, вне зависимости от факта оккупации территорий Белоруссии и Украины, которая всегда называлась «временной».

Белорусская тематика в военных пропагандистских материалах имела общую идейно-патриотическую направленность, однако в рамках идеологической концепции третьего Рима позволяла пропагандистам несколько иначе расставлять акценты. В частности, активно использовать последние составляющие концепции, связанные со святостью земли и населяющих ее людей.

Скорее всего, большевикам ближе всего была такая пространственная трактовка Святой Руси, где она совпала с историческими границами русского государства, расширялась или сужалась вместе с ними. В соответствии с подобной трактовкой, у советских граждан не должно было возникнуть никаких сомнений по поводу территориальных приращений советской Белоруссии накануне Великой Отечественной войны за счет Польши. Уже в 1943 году, по мере приближения Красной Армии к польским границам, вновь актуализировался вопрос правомочности присоединения западных земель к БССР. Защищать это право были мобилизованы авторитетные белорусы. Народный поэт Якуб Колас писал в журнале «Славяне»: «Еще в 1920–1921 годах польские империалисты насильно захватили часть белорусских, украинских и литовских земель... Живое тело белорусского народа польские империалисты раскроили пополам. Они искореняли все белорусское и заменяли его польским. Они даже хвастались тем, что пройдет несколько десятков лет – и белорус забудет свою национальность. Разве не чувствуется в этих актах насилия та же мерзкая гитлеровская концепция?! Но принудительное ополячивание белорусского населения в течение двадцати лет не привело ни к чему... после войны белорусский народ будет воссоединен... в своих законных, определенных историческим правом границах» [11, с. 10].

«Историческое право» подкреплялось «священным правом». Герой Советского Союза танкист Гавриил Половченя, выступая на Четвертом митинге славян-воинов в феврале 1944 г., говорил: «В многолетних трудах воздвиг белорусский народ свои города Гродно и Пинск, Брест и Кобрин, Несвиж и Барановичи. Эти города, эти земли были и останутся священной собственностью белорусского народа...» [12, с. 20]. Далее оратор совершенно четко обозначил вектор цивилизационной направленности: «Белорусский народ получил свою свободу и счастье с помощью русского народа. Белорусы всегда боролись за свою самостоятельность в союзе с русскими. Вместе с ними мы снова отвоюем у врага свое счастье, и воскреснет родная Беларусь!» [Там же, с. 21].

Временные параметры Святой Руси позволяли большевикам утверждать свою правопреемственность, «неслучайность» в тысячелетней русской истории. В 1920-е гг., до начала формирования модернизированной концепции третьего Рима, Москва мыслилась как земной рай для мирового пролетариата. Это была столица государства, в котором революционеры, устроившие государственный переворот, впервые в истории смогли остаться у власти сами. Приблизительно до 1925 года ожидание мировой революции находилось, так сказать, в «активной» стадии. Далее последовал постепенный отход, но Москва по-прежнему позиционировалась центром мирового пролетарского движения, городом сбывшейся мечты, настоящим советским Эдемом. Соответственно, временным рубежом, точкой отсчета был Октябрьский переворот. Новая же концепция Москвы – Третьего Рима делала Святую землю реальностью прошлого, настоящего и будущего, причем такого будущего, в которое будет взято все лучшее из прошлого. Происходил откат от вульгарно-классового подхода школы М. Н. Покровского, дореволюционную историю перестали изображать как бесконечную череду борьбы народа с его притеснителями, в ней обнаружились примеры, достойные подражания, и очень светлые моменты. «В глубине столетий мы видим славную Полоцкую Русь, Турово-Пинское княжество, земли кривичей и радимичей. Здесь вырастал и формировался белорусский народ во всех своих неповторимых национальных особенностях. Здесь были «цветущие поля» и «богатые города», здесь жили «свободные и гордые» люди, которым «приходилось выдерживать упорные бои за свои земли, за свои независимость и честь... Белорусский народ со славы прошел великий путь своей тысячелетней истории» [7, с. 22]. Далее обычно наступало описание недавнего счастливого прошлого, когда с приходом советской власти Белоруссия

впервые обрела собственную государственность, «жила и цвела в силе и славе»: развивалась экономика, национальное искусство и культура и т.д. И делался обязательный вывод, что все это вернется, как только будет изгнан с белорусской земли опоганивший ее враг.

С точки зрения символов, смыслов, образов большевиками было востребовано несколько трактовок Святой Руси: это то, что свято для народа; это государственный и нравственный идеал; это призвание страны, задача, поставленная перед ней Богом; это страна святых и страна святых.

Пограничное положение белорусских земель обрекало их на своеобразную роль форпоста Святой Руси. «Воинственные дружины полоцких и позднее белорусско-литовских князей не раз громили тевтонских и ливонских псов-рыцарей, сдерживали их движение на восток, отбрасывали назад» [Там же]. Наследникам святорусских богатырей выпала та же миссия: «Белорусский народ первым принял на себя удары бронированной военной машины гитлеровской армии и первым начал отражать эти удары. Он чутко откликнулся на призыв своего любимого вождя Иосифа Сталина о развертывании партизанской борьбы в тылу врага и первым поднял знамя грозной, священной партизанской войны» [9, с. 39].

Из пяти чинов святости, на которые церковь разделила праведников (князья, святители, преподобные, юродивые, святые миряне и жены), «священная война» активно востребовала два чина: князей и святых мирян и жен. В советском социуме военного времени их место заняли герои-воины и мирные люди, героически проявившие себя в экстремальных условиях вражеского нашествия и оккупации.

Тяжкие испытания, через которые проходила Белоруссия, порождали десятки и сотни героических личностей, а советский агитпроп эффективно использовал их подвиги подвижничества и мученичества как пример для других.

Широчайшее освещение получил «огненный таран» Николая Гастелло – «подвиг человека, рассчитавшего свою смерть как бесстрашный удар по врагу». Впоследствии среди нескольких сотен человек, повторивших таран, свыше тридцати были уроженцами Белоруссии.

Выдающимся сыном белорусского народа был назван генерал Лев Доватор. В опубликованном в журнале «Славяне» очерке неоднократно подчеркивается национальная принадлежность генерала и его приверженность крестьянскому труду. «Я белорусский крестьянин... Крестьянский сын я, сам в детстве крестьянствовал. И сейчас умею лапти плести, колеса мазать, пахать и сеять – что хочешь...» [8, с. 39]. Любопытно, что для религиозного сознания притягательна святость земледельческого труда, рассматриваемого как земной подвиг.

На Ленинградском фронте очень популярным стало имя уроженца Быховского района Могилевской области Феодосия Смолячкова. Будучи несовершеннолетним, Феодосий вступил в народное ополчение. Затем стал снайпером. Был инициатором боевого соревнования снайперов Ленинградского фронта. Сам уничтожил 125 фашистов. Подготовил 10 учеников. Заметки Смолячкова регулярно публиковались во фронтовых газетах. В газете «Вперед» от 3 января 1942 г. Феодосий писал: «Мой новогодний подарок Родине – 107 уничтоженных фашистов... Истребляя фашистское зверье, я мщу за свою любимую Родину, за родную Белоруссию» [13]. Газета «На страже Родины» от 1 января 1942 г.: «Враг занял Белоруссию. Места, где я родился, счастливо провел детство и юность, подверглись опустошению. Там остались мои родители. Они попали под иго фашистских варваров... В канун 24-й годовщины Октября я с волнением слушал доклад товарища Сталина. Его призыв – истребить всех до единого оккупантов – стал моим боевым девизом. Поставил перед собой задачу – до Нового года истребить не менее 100 фашистов... Обязательство свое выполнил...».

Феодосий был убит в январе 1942 года. После гибели героя его винтовку (№ 13914) торжественно вручили лучшему снайперу дивизии Столярову. Взяв в руки оружие восемнадцатилетнего «учителя», тот произнес: «Клянусь на могиле твоей, Феодосий, что чести твоего оружия не уроню» [Там же].

Материалы о жизни и борьбе на оккупированных территориях постоянно присутствовали в советской прессе. «Красная Армия уже начала освобождение нашей священной белорусской земли, пропитанной кровью и потом белорусского народа. Но миллионы белорусов еще ждут своего избавления от немецкого рабства. И не только ждут, но и яростно борются против немецких извергов» [12, с. 20].

Подростки, старики, женщины Белоруссии, не колеблясь, шли на страдания и гибель, доказывая свою верность и любовь к Родине. Часто это были настоящие духовные максималисты, безоговорочно принявшие заповеди новой советской религии. Их пример воодушевлял других. Советская пресса тех лет заполнена свидетельствами проявленного героизма и мучений, которым подвергались жители Белоруссии. «Крестьянину Егору Куприенко фашистские звери выломали руки, выкололи глаза и, подцепив крючком за подбородок, повесили на телеграфном столбе... Враг сатанеет. Ему не удастся поставить на колени наш свободолюбивый народ» [9, с. 106]. «Неслыханные страдания под пятой оккупантов. В деревне Погорелом недавно фашисты устроили дикую расправу над крестьянином Габриельчиком. Гитлеровские головорезы били его до потери сознания. Все тело было в кровавых синяках. Затем фашистские людоеды прорубили лед и бросили туда Габриельчика вниз головой. Фашисты добивались узнать от него местонахождение партизан, но ни одного слова не добились от мужественного, преданного советского патриота» [10, с. 60]. «В деревне Нежин, Любаньского района, фашистские мерзавцы долго мучили учительницу Феню Кононову. Ее били, кололи штыками, полопали ей руки и ноги, помогаясь узнать о месте нахождения партизан. Кононова ничего не сказала. Героиня бросила в лицо своим палачам слова священной ненависти: «Можете ломать мне руки и ноги, но ваши зверства не сломают нашей воли. Смерть вам, иродам! Не увидите живыми из нашей земли!» [9, с. 41].

В последнем отрывке обращает на себя внимание эпитет, которым назвала молодая женщина своих мучителей – «ироды». Таким образом, в отредактированный пропагандистский текст вплелся сюжет Нового Завета

об избии невинных младенцев. С одной стороны, дети – идеал чистоты, с другой – символ слабости. Для религиозного сознания очевидно, что вера делает сильными слабых, и им становится доступна великая миссия. Настоящий культ юных святых – борцов с фашизмом – формируется в СССР уже после войны. С середины 1950-х гг. создаются беллетризованные биографии пионеров-героев, почин которым положил лучший образец жанра, созданный еще в 1949 году – «Улица младшего сына» Льва Кассиля. Характерно, что из четырех юных Героев Советского Союза двое – Марат Казей и Зина Портнова – являлись уроженцами Белоруссии.

* * *

Через неделю после начала освобождения белорусской земли в сентябре 1943 года было принято решение «о создании музея по истории борьбы белорусского народа с немецко-фашистскими оккупантами в Великую Отечественную войну». Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны открылся в октябре 1944 года. В музее экспонировались «подлинные вещественные и документальные материалы... повествующие о великом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны, в частности, о вкладе белорусского народа в дело победы над фашизмом». Музей, начавшийся с 313 экспонатов, рос и развивался. В послевоенные годы, абсолютно в рамках древней христианской традиции создания культа героев и мучеников, многие залы музея были превращены в своеобразный реликварий, свидетельствующий о мужестве и трагедии белорусского народа.

* * *

Построение «социализма в одной стране» означало для Советского Союза необходимость стремительного рывка для перехода в разряд мировых держав. Очевидной также становилась потребность в конструктивной идеологии, сплачивающей большинство населения страны. Как и на момент своего создания, идеологема «Москва – третий Рим» оказалась востребована в СССР в качестве концепции государственного могущества. Точкой отсчета в ее реализации современные исследователи называют 1934 год, когда «в ранг высшей доблести советского человека» был возведен патриотизм, а в советской школе на отечественную историю возложили роль не только учебной, но и воспитательной дисциплины [1, с. 143].

С началом Великой Отечественной войны государственная пропаганда не отказалась окончательно от общего направления «советского патриотизма». Но острое осознание необходимости достучаться до сердец не принадлежавших к большевистскому лагерю слоев населения, не настроив против себя истинных коммунистов и комсомольцев, не признавая прошлых ошибок, подвигало режим к проявлению идеологической гибкости. В советской пропаганде колоссальное место заняли лозунги, взывающие к национальному чувству. Несмотря на опасность пробуждения антисоветских или сепаратистских тенденций, пропаганда будировала национальные чувства народов, в том числе и белорусов, при этом всячески подчеркивая их кровную связь с русским народом и судьбоносное значение для них советского строя.

Большевикам удалось соединить в единую ударную силу футуристический порыв стойких приверженцев марксистско-ленинского учения, с одной стороны, и основанное на приверженности историческим корням национальное чувство широких народных масс, с другой. В схватке двух массовых обществ – советского и немецкого – победило то, которое смогло эффективнее мобилизовать все имеющиеся ресурсы. Большевистский режим обладал рычагами социальной мобилизации, способными выжать из людей не только физический, но и духовный максимум. Идеологическая доктрина расового превосходства, включавшая в себя крайнее проявление идеи пангерманизма, потерпела сокрушительное поражение на идеологическом фронте. Третий Рим уничтожил третий Рейх. Будучи частью не просто советского народа, а частью почти сакральной триады, белорусский народ стал народом-победителем.

Список литературы

1. **Вдовин А. И.** Подлинная история русских. XX век. М.: Алгоритм, 2010. 431 с.
2. **Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 года** [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 1941. 24 июня. URL: <http://kp.ru/link/9may/jun41/> (дата обращения: 23.06.2011).
3. **Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года** [Электронный ресурс] // Там же. 3 июля. URL: <http://kp.ru/link/9may/jul41/> (дата обращения: 23.06.2011).
4. **Данилевский Н. Я.** Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 549 с.
5. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинение. Т. 38.
6. **Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 17 сентября 1939 г.** // Партийное строительство. 1939. № 17–18.
7. **Славяне.** 1942. № 1.
8. **Там же.** № 4
9. **Там же.** № 5–6.
10. **Там же.** № 7.
11. **Там же.** 1943. № 4.
12. **Там же.** 1944. № 3.
13. **Смолячков Феодосий Артемьевич** [Электронный ресурс]. URL: <http://airaces.narod.ru/snipers/m1/smolychk.htm> (дата обращения: 04.04.2011).
14. **Флоря Б. Н.** Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2002. 404 с.
15. **Фурсов А. И.** Третий Рим и Третий рейх: советско-германский покер в американском преферансе [Электронный ресурс] // Золотой лев. 2006. № 87-88. URL: http://www.zlev.ru/87_38.htm (дата обращения: 12.05.2011).

**THE BELARUSIAN SUBJECT MATTER OF THE GREAT PATRIOTIC WAR PROPAGANDA FOREFRONT:
FROM SOVIET PATRIOTISM TO THE IMPROVED DOCTRINE “MOSCOW IS THE THIRD ROME”**

Elena Petrovna Maksimenko, Ph. D. in History
*Department of Philosophical-Historical and Social-Legal Sciences
National University of Science and Technology “Moscow Institute of Steel and Alloys”
el-maks@yandex.ru*

The author describes the practical implementation of the modernized doctrine “Moscow is the Third Rome” during the Great Patriotic War by the soviet propaganda machine, showing that having become an essential part of the soviet ideological system the doctrine pressed the international idea of soviet nationwide patriotism; considers the main components of national-patriotic conception and presents the interpretation of some of them (holy war, Holy Russia, holy people etc.) under wartime conditions. The scientific novelty of the article is confined in the use of the Belarusian subject matter in the considered context.

Key words and phrases: “everything is for the front, everything is for the victory”; ideological doctrine; “blood brothers”; national feelings; Pan-Slavism; patriotic idea; propaganda forefront; levers of social mobilization; Holy Russia; “holy war”; soviet patriotism; “Moscow is the Third Rome”; ranks of holiness.

УДК 93/94

В статье рассмотрено пребывание в вятской ссылке представителей римско-католического духовенства, высланных за участие в польском национально-освободительном движении.

Ключевые слова и фразы: католическое духовенство; Ноябрьское восстание; костёл; политическая ссылка; вятская губернская администрация; месса.

Андрей Анатольевич Машковцев, к.и.н., доцент
*Кафедра отечественной истории
Вятский государственный гуманитарный университет
wikma116@rambler.ru*

ССЫЛЬНОЕ КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 30-Е – 50-Е ГГ. XIX В. ©

Одной из самых крупных и влиятельных неправославных христианских конфессий Вятско-Камского края был католицизм. Устойчивая католическая община сложилась здесь сравнительно поздно, хотя лица католического вероисповедания стали появляться здесь, видимо, уже с XVII в. Первое массовое появление католиков в регионе относится к 1813 г. После окончания Отечественной войны 1812 г. сюда выслали более 5 тыс. военнопленных, среди которых преобладали французы и поляки, но были и испанцы, австрийцы, жители южных германских княжеств и пр. В числе сосланных находились генерал Вандам Доминик Жозеф Рене и известный шпион Бонапарта Карл Корнелиус де Варримон.

Впрочем, большая их часть вскоре была освобождена и покинула пределы Вятской губернии. Уже в октябре 1813 г. домой отбыли баварцы, затем подданные других государств Рейнского союза, позднее французы. Немногие из оставшихся женились на русских девушках и, оказавшись в иноязычной среде, быстро ассимилировались.

Следующее массовое появление католиков в крае относится к началу 30-х гг. XIX в. и было связано с репрессиями против участников польского освободительного движения. Ещё в конце XVIII в. в результате трёх разделов Речи Посполитой поляки утратили независимость, а принадлежавшая им территория была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. При этом Россия получила восточные и северо-восточные районы бывшей Речи Посполитой, где было относительно немного этнических поляков, а преобладали украинцы, белорусы и литовцы. Однако после разгрома наполеоновской Франции по решению Венского конгресса в состав Российской империи включили территорию бывшего Варшавского герцогства, то есть исторические польские земли, где полностью доминировали поляки.

Александр I, по инерции продолжавший либеральный курс первых лет царствования, даровал Польше довольно широкую автономию. Она получила статус Царства Польского, главой которого считался сам российский император, но фактически им управлял царский наместник. При этом широкие полномочия получал выборный Сейм, решавший многие законодательные и управленческие вопросы. Административные органы Царства Польского формировались из числа поляков, делопроизводство велось на польском языке, католицизм в автономии сохранял положение господствующей религии.

Однако даже столь широкая автономия не устраивала поляков, мечтавших о возрождении независимого польского государства в границах 1772 г. (дата первого раздела Речи Посполитой). В ноябре 1830 г. в Польше вспыхнуло мощное восстание, в результате которого повстанцам удалось временно занять Варшаву и другие крупные города. Однако это были лишь временные успехи. После переброски в Польшу дополнительных сил русской армии во главе с бывшим командующим Кавказским корпусом генералом И. Ф. Паскевичем восстание было подавлено. После этого Николай I значительно ограничил автономию Царства Польского и усилил